

Выкопал мужик яму в лесу, прикрыл ее хворостом: не попадется ли какого зверя.

Бежала лесом лисица. Загляделась по верхам - бух в яму!

Летел журавль. Спустился корму поискать, завязил ноги в хворосте; стал выбиваться — бух в яму!

И лисе горе, и журавлю горе. Не знают, что делать, как из ямы выбраться.

Лиса из угла в угол мечется — пыль по яме столбом; а журавль одну ногу поджал и ни с места, и все перед собой землю клюет, все перед собой землю клюет. Думают оба, как бы беде помочь.

Лиса побегает, побегает да и скажет:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек! Журавль поклюет, поклюет да и скажет:

— А у меня одна дума!

И опять примутся — лиса бегать, а журавль клевать.

«Экой,— думает лиса,— глупый этот журавль! Что он все землю клюет? Того и не знает, что земля толстая и насквозь ее не проклюешь».

А сама все кружит по яме да говорит:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек! А журавль все перед собой клюет да говорит:

— А у меня одна дума!

Пошел мужик посмотреть, не попалось ли кого в яму.

Как слышала лиса, что идут, принялась еще пуще из угла в угол метаться и все только и говорит:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек!

А журавль совсем смолк и клевать перестал. Глядит лиса — свалился он, ножки протянул и не дышит. Умер с перепугу, сердечный!

Приподнял мужик хворост; видит — попались в яму лиса да журавль: лиса юлит по яме, а журавль лежит не шелохнется.

— Ах ты,— говорит мужик,— подлая лисица! Заела ты у меня этакую птицу!

Вытащил журавля за ноги из ямы; пощупал его— совсем" еще теплый журавль; еще пуще стал лису бранить. А лиса-то бегаёт по яме, не знает, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча, тысяча думушек!

— погоди ж ты! — говорит мужик.— Я тебе помню бока за журавля!

Положил птицу подле ямы — да к лисе.

Только что он отвернулся, журавль как расправит крылья да как закричит:

— У меня одна дума была! Только его и видели.

А лиса со своей тысячью, тысячью, тысячью думушек попала на воротник к шубе.